

Человека, с которым Ким Док Паль, как он думал, расстанется сразу после выхода из кафе, он обнаружил переходящим с ним один и тот же пешеходный переход. Решив, что им просто по пути, Ким Док Паль молчал. Однако когда тот проводил его вплоть до главного входа в больницу, он уже не смог сдержаться и спросил:

— Ты зачем за мной идёшь, пацан?

— Я тоже иду в Центральную больницу. Навестить пациента.

Откуда он знает, что я иду в Центральную больницу? — нахмурился Ким Док Паль с подозрением. Мужчина указал на больничную пижаму, видневшуюся из-под пуховика. Плечо с подвешенной капельницей было прикрыто не до конца, и на ткани отчётливо читалось название больницы. Почувствовав неловкость, Ким Док Паль молча покатил стойку с капельницей и первым пересёк больничные проезды.

Шедший позади мужчина, заметив, что колёса стойки застряли у бордюра, без просьбы приподнял и переставил её. Ким Док Паль был тайно впечатлён.

Он с самого начала это чувствовал — этот парень действительно был перспективным. Пусть он и принял его за ученика средней школы, но тот с первой встречи посоветовал учебное пособие, сам купил напиток взрослому человеку, да и по манере речи было видно, что он хорошо учится. А внешность... хоть и немного женственная, но настолько притягательно красивая, что могла свести с ума женщин. К тому же высокий и сложен вполне прилично.

Если бы у кого-то был такой сын, родители, наверное, были бы сыты одним лишь видом. Говорят, старую собаку новым трюкам не научишь — и Ким Док Паль, сам не заметив, выдал стариковскую фразу, не по возрасту:

— Родители, небось, на тебя посмотрят — и уже сыты.

— Я ещё раньше хотел спросить... Ты с дедушкой живёшь? Для своего возраста ты слишком взрослый.

Парень больше не смог сдержаться и расхохотался. Его губы поддёргивались уже какое-то время — похоже, он всё это время сдерживал смех. Поняв, что ведёт себя как старик, Ким Док Паль почесал затылок и отвернулся. Заметив, что мочки ушей Сон И Хона покраснели не только от холодного ветра, парень, словно дразня, наклонился, чтобы встретиться с ним взглядом. Его тонкие волосы мягко качнулись при этом движении.

— Ты так говоришь... «ученик», «пацан» и всё такое.

— Ученик — он и есть ученик. А как мне тебя ещё называть? Я даже имени твоего не знаю.

Парень кокетливо прищурился, но Ким Док Паль ответил сухо. Его кулак едва заметно дёрнулся — он подумывал, не врезать ли этому нахальному сопляку.

— А, точно, я же не представился. Я Чхве—

— Сэ Гён!

Женщина, ожидавшая в холле больницы, окликнула его. Чхве Сэ Гён. Услышав своё имя, он махнул рукой и, улыбнувшись глазами в форме полумесяцев, напоследок попрощался:

— Мне пора. Я опаздываю. Удачи в учёбе.

Он передал Ким Док Палю пакет с покупками, который нёс ещё с кафе, и побежал к главному входу, где его ждала женщина. Длинные ноги мелькнули под распахнутым пальто, полы которого развевались на бегу. Ким Док Паль, ошарашенно наблюдавший, как Чхве Сэ Гён вместе с женщиной скрываются за вращающимися дверями, опомнился лишь спустя мгновение и почесал голову.

— Вот уж мастер флирта...

Он задумался, сколько раз за столь короткое время мелькнула эта соблазнительная «улыбка глазами». С ощущением, что этот взгляд надолго останется в памяти, Ким Док Паль толкнул стойку с капельницей.

В тот же миг резкая боль пронзила рёбра. Опустив взгляд, он увидел причину — в руке был тот самый тяжёлый пакет с рабочими тетрадями из книжного магазина. Только сейчас Ким Док Паль понял, что купил тетради, но сам так и не вынес их из кафе. Это Чхве Сэ Гён нёс их за него. Он тогда решил, что тот сошёл с ума, схватив его за руку перед уходом, но оказалось — просто передал пакет так, чтобы внезапно не добавить веса.

Ни следа от молодого человека, который нёс пакеты, не ожидая благодарности — он растворился в потоке людей, движущихся по холлу. Так и не сумев поблагодарить его, Ким Док Паль наконец поставил пакет с покупками на ручку стойки с капельницей и подвёл для себя итог насчёт Чхве Сэ Гёна:

«Он добрый».

И всё же он никак не мог совместить этого Чхве Сэ Гёна с тем образом, что видел в дневнике.

Извилистый переулок Итхэвона в районе Йонсан был застроен частными домами с высокими заборами — совсем не таким, как главная улица, заполненная магазинами и барами. В этом месте, где, казалось, и муравей не пробежит, существовало негласное правило полной изоляции от соседей. Как говорится, «под фонарём темнее всего» — идеальный район, чтобы спрятать любовницу какого-нибудь председателя.

Поскольку у жильцов было немало секретов, они, естественно, нанимали молчаливых и незаметных работников.

Женщину из Сосана, нанятую в этот особняк, выбрали прежде всего за умение хранить тайны. Правила были просты и ясны: сразу забывать всё, что видишь в доме, ничего не разглашать, не вмешиваться в жизнь жильцов и просто выполнять порученную работу.

Женщина из Сосана строго придерживалась контракта.

Она понимала, что женщина, живущая в особняке, — та самая красивая актриса, которая двадцать лет назад наделала шума в СМИ, а затем исчезла, но делала вид, что ничего не знает. Она не задавала вопросов даже тогда, когда сын этой женщины возвращался домой с отпечатками обуви на теле.

Будучи идеальной посторонней — человеком, который лишь помогал в быту, не вмешиваясь, — женщина из Сосана стала и идеальным наблюдателем. И как наблюдатель она заметила

изменения.

Сын этого дома, Сон И Хон, всегда ходивший с опущенной головой и длинной чёлкой, скрывающей лицо.

Примерно под прошлое Рождество она слышала, что он попал в автомобильную аварию, и по распоряжению домработницы собирала его вещи для больницы. Он был тяжело ранен и пролежал в стационаре всю зиму, но Сон И Хон, вернувшийся домой перед началом нового семестра, изменился.

Женщина из Сосана, проработавшая в этом доме десять лет, узнала Сон И Хона даже с короткой стрижкой «под каштан», но для постороннего человека перемены были бы столь разительными, что можно было бы заподозрить подмену.

Прежний Сон И Хон был робким. Даже не просто пассивным — он был чрезмерно чувствительным, мгновенно улавливал атмосферу вокруг. Он знал, что родная мать его не любит, и каждый раз, когда она напивалась и начинала искать председателя, у него начинались боли в животе от стресса.

Он часто болел, плохо ел, и когда председатель изредка заезжал в особняк поесть, было видно, что И Хон берёт палочки с неохотой. Председатель, похожий на тигра, уходил с отвращением, спрашивая, как такой слабак может быть его кровным сыном, а родная мать цеплялась за него, умоляя остаться подольше. Всё это Сон И Хон наблюдал, сжимаясь от тревоги, а потом всю ночь страдал от несварения и рвоты на пустой желудок.

Неблагополучная семья, хуже, чем в воскресных дорамах. Самое слабое звено в этой семье — вот кем был Сон И Хон. По крайней мере, так его видела женщина из Сосана, проработавшая в этом доме около десяти лет.

Просыпаться на рассвете, чтобы заниматься физическими упражнениями, и съесть полную миску риса — это был не тот Сон И Хон, которого она знала.

Привычка считать зёрнышки риса во время еды исчезла. Теперь он ел с аппетитом, зачерпывая большими ложками. Казалось, он выходил из дома ещё до того, как женщина из Сосана приходила на работу ранним утром, а вернувшись, вспотев после нагрузки, с жадностью съедал миску риса — словно аппетит наконец пробудился.

— Ещё риса, пожалуйста.

Женщина из Сосана, украдкой наблюдавшая за Сон И Хоном с любопытством, поспешно забрала пустую миску, растерявшись от такой просьбы.

— Ой... конечно. Может, пожарить ещё рыбы? Или супа добавить?

— Не нужно.

Прямолинейный ответ тоже был переменной. Уже на следующий день после выписки Сон И Хон вернулся с тренировки, окинул взглядом пустой стол и спросил, где завтрак. Прежний Сон И Хон не мог даже сделать простую просьбу — он всегда слишком переживал о реакции окружающих. А Сон И Хон после выписки говорил так, будто требовать было совершенно естественно, и так же легко отказывался от предложений.

Его уверенная манера заставила женщину из Сосана почувствовать, что теперь ей нужно быть

осторожнее.

Раньше она просто накрывала на стол — ел он или нет — и уходила на кухню. Теперь же она стала следить за сервировкой, приносила дополнительные закуски, ставила стакан с водой. Вытирая влажные руки о фартук и суетясь рядом, женщина из Сосана вспомнила, что сегодня у Сон И Хона первый день нового семестра.

Стирка и глажка входили в её обязанности, но школьную форму Сон И Хона она никогда не гладила. Прежний Сон И Хон надел бы её без единого слова, но почему-то ей казалось, что изменившийся Сон И Хон не станет скрывать недовольство мятой рубашкой. Не желая вызвать раздражение у юного хозяина, женщина из Сосана поспешно надела домашние тапочки.

Роскошный седан выехал из переулка и влился в основную дорогу. Хотя езда по перегруженным улицам центра Сеула обычно делает людей раздражительными, шофёр старался вести машину как можно плавнее. Его напряжённый взгляд то и дело скользил в зеркало заднего вида.

Мальчик на заднем сиденье сидел, удобно закинув ногу на ногу, и игрался с телефоном. Кто бы мог подумать, что это тот самый мрачный Сон И Хон, который раньше всегда ходил, опустив голову?

— На что вы смотрите?

Хотя казалось, что он полностью поглощён телефоном, Сон И Хон, видимо, почувствовал взгляд и негромко заговорил. Несмотря на то что он был как минимум на десять лет младше водителя, его снисходительный тон прозвучал так естественно, что господин Пак невольно напрягся.

— А... ничего!

Осознав с запозданием, что обратился к взрослому слишком фамильярно, Ким Док Паль почесал затылок и извинился:

— Эм... извините.

Правда, это было извинение, совсем не похожее на то, какое обычно звучит из уст подростка. Услышав это «взрослое» извинение, водитель припарковал машину в переулке неподалёку от школы Сон И Хона. Но когда тот не спешил выходить и продолжал тыкать в только что активированный телефон, смущённый водитель всё же заговорил.

— Эм... молодой господин, вы не выходите?

— Здесь?

Ким Док Паль наконец оторвал взгляд от телефона и посмотрел в окно. За пределами переулка виднелись ученики в такой же школьной форме, как у Сон И Хона, поднимающиеся в гору.

— Вы же всегда выходили здесь, потому что говорили, что не любите выходить прямо перед школой, верно?

— Зачем тащиться в гору? Надоело. Подъезжай прямо к воротам школы.

Водитель, который был примерно ровесником тех подчинённых, что были у Ким Док Паля во

времена его гангстерской жизни, по привычке сорвался на фамильярный тон и тут же спохватился:

— ...сэр.

Блестящий роскошный седан остановился прямо перед школьными воротами. Хотя район считался обеспеченным, из-за системы уравнивания школ далеко не все ученики были из семей чеболей, поэтому редкая иномарка у входа в школу привлекла немало внимания.

Задняя дверь открылась, и первым наружу показалась лодыжка с округлой косточкой, обнажённая из-за приподнятых брюк. Переведённый ученик? Примерно такие мысли мелькали у проходящих мимо школьников, когда они наблюдали, как их ровесник выходит из машины.

— Я позвоню, когда нужно будет за мной заехать... сэр.

Ким Док Паль неловко добавил в привычную речь вежливое обращение и захлопнул дверь машины. Оставив позади выхлоп уезжающего седана, он повернулся лицом к школьным воротам, с трудом сдерживая желание радостно закричать. Его взгляд сразу охватил сложенные зелёные железные ворота.

Школа!

Школьные ворота!

Быть учеником!

Снова столкнуться с золотым временем жизни, которое давно прошло мимо него!

Пусть он и вторгся в чужую жизнь, сам факт того, что он носит школьную форму и идёт в школу, ошеломлял. Когда Чон Джун Хо снимался в фильме «Мой босс, мой герой», ему было чуть за тридцать, но если бы сейчас, в свои сорок семь, Ким Док Паль надел школьную форму, все решили бы, что он просто спятил. Он был уверен, что больше никогда в жизни не будет иметь к ней никакого отношения!

Пытаясь успокоить бурлящие эмоции, Ким Док Паль крепче сжал лямку рюкзака.

Хотя он прекрасно понимал, что выглядит как Сон И Хон и одет в школьную форму без единого изъяна, напряжение не отпускало. У ворот стояли классный руководитель и члены дисциплинарного комитета. Скучное воображение Ким Док Паля разыгралось вовсю: а вдруг его узнают как Ким Док Паля и выгонят, спросив, как он посмел, будучи стариком, заявиться в школу?

Глухие удары сердца отдавались в ушах. Стараясь слиться с потоком учеников, Ким Док Паль осторожно делал шаг за шагом. Новые кроссовки тёрли кожу на пятках, а металлический пенал в рюкзаке, где в первый день лежали только тетради, тихо гремел.

Он уже почти прошёл через ворота, смешавшись с шумной толпой. Только он собрался облегчённо выдохнуть, решив, что благополучно миновал вход, как резкий окрик выхватил его из общего потока:

— Эй, ты там! Ты!

Ким Док Паль, который в спешке почти вылетел вперёд всем корпусом, неловко указал на себя.

— Я?

— Да, ты. Ты. А кто же ещё здесь есть, кроме тебя?

Да тут полно народу... — мысленно возмутился Ким Док Паль, но не стал указывать на странную манеру говорить у завуча и послушно потянулся на зов. Тот ткнул в грудь Ким Док Паля тридцатисантиметровой линейкой. Брови Ким Док Паля странно нахмурились.

<http://bllate.org/book/12365/1324393>